

Переключение кодов в инфинитивной конструкции: русский — нанайский

© 2020

Наталья Марковна Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; stoynova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрен необычный случай переключения кодов в инфинитивной конструкции, засвидетельствованный в речи русско-нанайских билингвов. В конструкции с переключением кодов матричный предикат русский, а зависимый глагол включает нанайскую основу, нанайский показатель настоящего времени и русский показатель инфинитива; остальная часть инфинитивного оборота — на нанайском языке. Особенный интерес в этой конструкции представляет инфинитивная форма с внутрисловным переключением кодов, не отвечающая ни правилам русского языка, ни правилам нанайского. В работе конструкция анализируется в терминах модели переключения кодов К. Майерс-Скоттон и рассматривается в свете более общей проблемы морфосинтаксической аккомодации глагола при переключении кодов.

Ключевые слова: инфинитив, нанайский язык, переключение кодов, русский язык, смешение кодов, тунгусо-маньчжурские языки

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 18-312-00155 мол_а. Я выражаю благодарность анонимным рецензентам и редакции журнала за ценные комментарии, благодаря которым статья была сильно переработана, С. А. Оскольской, совместно с которой был собран полевой материал исследования, а также всем нашим информантам — носителям нанайского языка, в особенности В. С. Гейкер.

Для цитирования: Стойнова Н. М. Переключение кодов в инфинитивной конструкции: русский — нанайский. *Вопросы языкознания*, 2020, 6: 66–93.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.66-93

Code-switching in infinitive constructions: Russian — Nanai

Natalia M. Stoynova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; stoynova@yandex.ru

Abstract: The paper deals with a pattern of codeswitching in infinitive constructions attested in the speech of Nanai-Russian bilinguals. In these constructions, the matrix predicate is in Russian; the embedded verb comes from Nanai and takes the Nanai present tense suffix and the Russian infinitive suffix; the arguments of this verb come from Nanai. The mixed morphology of the embedded verb is the most intriguing. In the paper, I analyze Russian-Nanai infinitive constructions in terms of Myers-Scotton's model of intrasentential codeswitching. The data contribute to a more general problem of verb integration in mixed clauses.

Keywords: code mixing, code switching, infinitive, Nanai, Russian, Tungusic

Acknowledgements: The research is supported by Russian Foundation for Basic Research, project 18-312-00155 мол_а.

For citation: Stoynova N. M. Code-switching in infinitive constructions: Russian — Nanai. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 6: 66–93.

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.66-93

1. Введение

В статье будут рассмотрены особенности переключения кодов в инфинитивной конструкции на материале пары «русский язык — нанайский язык». Рассматриваемая модель переключения кодов показана в (1): матричный предикат русский, а инфинитивный оборот возглавляет нанайский глагол с нанайским суффиксом презенса и русским суффиксом инфинитива.

- (1) Kondon-či энэ-j-ть надо
 Кондон-ЛАГ идти-PRS-*** ***
 ‘Надо ехать в Кондон’. (vsg, тексты)¹

Примеры типа (1) интересны с нескольких точек зрения. Во-первых, морфосинтаксические правила переключения кодов часто формулируются на уровне клаузы, а это конструкции, пограничные между моно- и биклаузальными. Первые ограничения на переключение кодов в инфинитивной конструкции были сформулированы в [Timm 1975]. На материале переключения между испанским и английским языками в статье постулируется запрет на переключение между матричным предикатом и инфинитивом, ср.:

- (2) а. *They want a ven-ir
 3PL хотеть.PRS PREP приходить-INF
 б. *Quieren to come
 хотеть.PRS.3PL INF приходить
 ‘Они хотят прийти’. [Timm 1975: 478], английский / испанский²

Позже было показано, что ограничение, видимо, менее жесткое и касается не всех типов инфинитивных конструкций и не всех матричных предикатов, см. ниже.

Во-вторых, граница переключаемых фрагментов в нашем случае (в отличие от (2)) проходит внутри словоформы, что само по себе представляет интерес для теории переключения кодов. Особенно неожиданно в (1) появление перед русским аффиксом инфинитива нанайского аффикса настоящего времени.

В-третьих, отдельной темой исследований в области переключения кодов является вопрос об интеграции глагола из одного языка в структуру другого (см. [Muysken 2000: 184–220; Myers-Scotton, Jake 2014; 2017; Alexiadou 2017]), а также об адаптации глагола при лексическом заимствовании [Wohlgemuth 2009]). Именно в этом фрагменте, как правило, возникает наибольший конфликт между грамматиками языков, вовлеченных в переключение. Глагол задает аргументную структуру предложения, разную в разных языках, требует зачастую сложного морфологического оформления, разного для разных языков, и проч. Отмечалось, в частности, что иноязычные глагольные фрагменты в текстах с переключением

¹ Здесь и далее примеры с переключением кодов между нанайским и русским оформлены следующим образом. Нанайские фрагменты набраны латиницей, русские кириллицей. Нанайские фрагменты глоссированы. Весь пример снабжается переводом на русский язык. После перевода в скобках указывается источник примера (условное название текста, из которого взят пример, или ссылка на опубликованные материалы). Все примеры с переключением кодов взяты из выборки текстов, которая описана в разделе 2. Глоссы наши. Для нанайского текста использована унифицированная упрощенная система латинской записи, в общих чертах схожая с кириллической стандартной нанайской орфографией.

² Примеры на переключение кодов в других языковых парах оформлены следующим образом. Слова из одного языка набраны прямым шрифтом, из другого — курсивом, после примера дается указание на источник и через слэш указываются языки. Глоссы, если не сказано обратное, наши.

кодов встречаются реже, чем именные [Myers-Scotton, Jake 2014: 513–514]. Исследования глагольного переключения кодов обычно сосредоточены на финитной словоформе, здесь же речь пойдет об интеграции глагола в нефинитном употреблении. Интересно, доступнее ли она для переключения и подчиняется ли тем же правилам.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 описан материал исследования. В разделе 3 охарактеризованы встретившиеся типы инфинитивных конструкций и смежные с ними явления. Следующие два раздела посвящены обзору инфинитивных конструкций в русском языке (раздел 4) и их эквивалентов в нанайском (раздел 5). В разделе 6 подробнее описаны формы, функционально наиболее близкие к русскому инфинитиву. Седьмой раздел посвящен нанайскому суффиксу настоящего времени, который появляется в инфинитивной форме при переключении кодов. В разделе 8 нанайские данные анализируются в свете общих представлений о правилах переключения кодов (преимущественно в терминах модели К. Майерс-Скоттон). В разделе 9 кратко обсуждается корреляция использования рассмотренной конструкции с особым типом текстов и особой социолингвистической ситуацией. В разделе 10 подводятся итоги исследования.

2. Материал исследования

Материалом исследования послужили записи устной речи одного носителя горинского говора нанайского языка (Солнечный район Хабаровского края).

Горинский говор — один из наименее сохранных. Всего, по нашим оценкам, осталось ок. 20 компетентных носителей. Все они владеют русским языком. В повседневном быту говор практически не используется.

Носительница, от которой записаны тексты (далее VSG), родилась в 1932 г. в с. Кондон (стойбище Сорголь). Около трех лет училась в школе. По-русски до школы не говорила. Большую часть жизни прожила в Кондоне, сейчас живет в русском поселке Харпичан, ок. 10 км от Кондона. Основной язык, на котором VSG говорит в последние годы, — русский. Ее дети, живущие в том же поселке, понимают нанайский, но не используют, муж-наец (носитель другого говора) умер примерно за 10 лет до нашей первой записи.

Тексты были записаны в 2011, 2012 и 2015 гг. в пос. Харпичан. Задачи и формат записей были одинаковы: VSG по просьбе лингвистов рассказывала о прошлом и описывала случаи из жизни на нанайском языке, иногда переходя на русский. Объем записей в каждой из сессий — ок. 2–3 часов (всего ок. 8 часов), запись не сплошная, записывались сразу короткие тексты (тематически цельные фрагменты). В необычной для VSG коммуникативной ситуации, когда ей пришлось рассказывать о себе на редко используемом нанайском языке лингвистам — носителям доминирующего русского, нам удалось записать лишь немного текстов полностью на нанайском языке. Часть записей — преимущественно на русском (некоторые — параллельные версии нанайских текстов или комментарии к ним), довольно много — с интенсивным переключением кодов. См. распределение в таблице 1.

Таблица 1

Тексты, записанные от VSG

Язык	Записано (чч:мм:сс)	Расшифровано (чч:мм:сс)	Расшифровано (в клаузах)
в основном русский	4:06:11	2:09:23	2172
с интенсивным переключением кодов	3:19:55	1:02:21	1343
в основном нанайский	0:46:16	0:12:29	178
<i>Всего</i>	8:12:22	3:00:33	3488

Интересующие нас употребления извлечены из расшифрованной части записей (ок. 3 часов) — в основном из группы текстов с интенсивным переключением кодов.

В рассмотрении вошли все конструкции, для которых в русском языке ожидается структура «матричный предикат + инфинитивный оборот», такие что матричный предикат в них русский, а на месте инфинитивного оборота составляющая, содержащая нанайские элементы (см. (1) выше). Конструкций с обратным соотношением (нанайский матричный предикат и русский материал в сентенциальном актанте) не встретилось.

В текстах найдено всего 18 инфинитивных конструкций с переключением кодов, однако и на такой выборке видны их нетривиальные структурные особенности, которые будут рассмотрены ниже. У других носителей, за пределами рассмотренной выборки, такие конструкции тоже встречаются, но очень редко. Подробнее о типе текстов и социолингвистической ситуации, с которой связано употребление рассматриваемых конструкций, см. раздел 9.

3. Засвидетельствованные типы конструкций и смежные явления

В рассматриваемых структурах в качестве матричных предикатов встретились (i) глаголы *мочь, стать, начать, быть* в конструкции будущего НСВ, *бояться* и (ii) безличные предикативы *можно, надо, нельзя, легко (легче)*.

Основной структурный тип конструкции, засвидетельствованный в большинстве примеров, иллюстрируется в (3), см. также (1) выше:

- (3) Надо sā-gi-ть\
 *** знать-PRS-***

‘Надо знать’. (vsg, тексты)

— матричный предикат русский (*надо*);

— инфинитивный оборот состоит полностью или частично из нанайских элементов;

— его возглавляет нанайский глагол с нанайским показателем настоящего времени (*sā-ri-*), к которому присоединяется русский суффикс инфинитива (*-ть* или *-ти*).

Встретилось также два примера с другой структурой, см. (4):

- (4) Эпэ-ј боится
 идти-PRS ***

‘Идти боится’. (vsg, тексты)

— матричный предикат русский (*боится*);

— «инфинитивный оборот» состоит полностью или частично из нанайских элементов;

— нанайский глагол — вершина «инфинитивного оборота» представляет собой основу с маркером настоящего времени (*эпэ-ј*).

В выборке есть примеры с разными по длине инфинитивными оборотами. Ср. одиночный инфинитив в (5а), с актантом в (5б), с сирконстантом в (5в).

- (5) а. Думаю пойду-ка. Эээ нуу... Эпэ-ј-ть надо.
 *** *** *** *** идти-PRS-*** ***
 Тамара\
 *** k-3SG клуба сходить.
 *** *** ***

‘Думаю, пойду-ка. Эээ нуу... Идти надо. К Тамаре в клуб сходить’. (vsg, тексты)

- б. Adole-wa toan-ži-ть надо
 сеть-ACC тянуть-PRS-*** ***

‘Сети тянуть надо’. (vsg, тексты)

в. Тут я стала поправляться, ulə žər-či-ть
 *** *** *** *** хорошо есть-PRS-***

‘Тут я стала поправляться, хорошо есть’. (vsg, тексты)

В (6) более сложная структура: глагол инфинитивного оборота вводит еще один сентенциальный актанта (на нанайском языке).

(6) Хай-ва жара-о-ги čupal otoli-i-ть надо
 что-ACC брать-IMPS-PRS всё уметь-PRS-*** ***

‘Что взять — все знать надо’. (vsg, тексты)

В оборот могут входить и русские фрагменты, (7):

(7) Стали хумум-бэ хул= хулə-j-ти рядом
 *** могила-ACC коп= копать-PRS-*** ***

‘Стали рядом копать могилу’. (vsg, тексты)

Таких примеров, однако, всего два: в обоих русские фрагменты — сирконстанты (адвербиальные выражения).

Во всех примерах, где в инфинитивный оборот входят актанта (семь примеров), они выражаются нанайскими словоформами, оформленными по правилам нанайской грамматики. Есть случаи, когда прямого соответствия между нанайской и русской моделью управления нет и выбирается нанайская модель. Так, в (8) актанта при глаголе *in'əktə-* ‘смеяться, насмехаться’ оформляется, в соответствии с нанайской моделью управления, инструментом (а не каким-либо аналогом русского *над*).

(8) Тəј нај-ži in'əktə-j-ть нельзя
 тот человек-INS смеяться-PRS-*** ***

‘Над этими людьми смеяться нельзя’. (vsg, тексты)

Инфинитивный оборот может предшествовать матричному предикату, как в примерах выше (девять примеров), или, как в (9), следовать за ним (семь примеров):

(9) Можно так там там жара-j-ти goј goј-wa
 *** *** *** *** брать-PRS-*** другой другой-ACC

‘Можно так там брать всякое разное’. (vsg, тексты)

Важно, что нанайские глаголы с русским показателем инфинитива в (3)–(9) — это переключение кодов, а не заимствование из нанайского в русский. Во-первых, тексты, в которых они встречаются, нельзя назвать текстами на русском, а в чисто русских текстах от того же носителя их нет. Во-вторых, обсуждаемые предложения содержат русский матричный предикат, но много нанайского материала (в т. ч. аргументы при инфинитиве). Наконец, главное, о заимствовании можно было бы говорить, если бы те же глаголы встречались не только в русской форме инфинитива, но и во всех других русских формах, но в рассматриваемых случаях это не так.³

³ Настоящих глагольных заимствований из нанайского в локальную разновидность русского ничтожно мало. Один из редких убедительных примеров — глагол *чектэри́ть* (нан. *čəktəri-*) ‘кропить водкой’. Он употребляется в русской речи (в т. ч. в речи не-носителей нанайского языка) в разных формах (*чектэрю́, чектэри́шь*). Можно ли говорить, что в данном случае глагол имеет ту же морфологическую структуру, что и глаголы с внутрисловным переключением кодов в рассматриваемых инфинитивных сочетаниях, т. е. что *-и* в *чектэри́ть* соотносится с нанайским показателем презенса *-i*? Из общих соображений нет оснований постулировать здесь показатель презенса, но это невозможно строго проверить. У корней на *-i*, как в *čəktəri-*, показатель презенса *-i* на поверхностном уровне не выражается (см. п. 8.5). Полноценных глагольных заимствований, для которых можно было бы с уверенностью доказать, что они (не) содержат показатель настоящего времени, нам не встретилось.

Нас не будут интересовать встречающиеся в нанайских текстах конструкции с русским матричным предикатом и русским же инфинитивом, как в (10):

- (10) elan bea-do **соблюдать надо**
 три луна-DAT *** **
 ‘Три месяца соблюдать надо’. (itg, тексты)

Еще одно смежное явление, которое не входит в фокус работы, — конструкции с модальным предикатом, заимствованным из русского языка. Они встречаются в тунгусо-маньчжурских языках. Так, в эвенкийский язык из русского заимствуется предикат *надо*, сентенциальный актант при нем выражается одной из нефинитных эвенкийских форм⁴, но не эвенкийским глаголом с русским инфинитивным маркером, как в нашем случае (подробнее см. [Рудницкая, в печати]):

- (11) nujan-ma-n **nada** d'awa-mī gu-śo
 3SG-ACC-3SG **надо** схватить-CVB.COND сказать-PTCP.ANT
 ‘Его надо поймать, — сказал [Бог]...’ эвенкийский [Рудницкая, в печати]

Для нанайского такие употребления, как в (11), нехарактерны. Употребления *надо* с нанайским зависимым в текстах есть, но единичны. В текстах от VSG таких два, одно с именным зависимым, другое с глагольным. В обоих случаях *надо* оформляется нанайскими именными маркерами — проприетивом и каритивом (букв. ‘с надобностью / без надобности’) в (12а) и локативом-дативом (букв. ‘в надобности’) в (12б). Сентенциальный актант в (12б) оформлен имперсональной формой, как при нанайском *gələj* ‘нужно’ (см. раздел 5).

- (12) а. žara-g-u, min-du хай **надо-ko**,
 брать-REP-IMP.SG 1SG-DAT что ***-PROPR
 min-du əsi хай=da **надо** ana təj
 1SG-DAT сейчас что=EMPH *** CARIT этот
 ‘Возьми, мне зачем надо? Мне сейчас ничего этого не надо’. (vsg, тексты)

- б. ama un-ži-ni хай **надо-do-ni** žara-o-ri-am
 отец говорить-PRS-3SG что ***-DAT-3SG брать-IMPS-QUOT
 ‘А отец говорит: зачем нам нужно его брать, мол’. (vsg, тексты)

Это иной тип конструкций, чем рассматриваемые, и он далее обсуждаться не будет.

Формально схожи с обсуждаемыми конструкции с русскими модальными предикатами, зафиксированные в медновском алеутском языке⁵:

- (13) а. ya acū-yu, хасу tiŋ huŋna-cā-t'
 1SG мерзнуть-PRS.1SG хотеть.PRS.1SG 1SG.REFL греть-CAUS-INF
 ‘Я мерзну, хочу согреться’. [Golovko, Vaxtin 1990: 110]
 б. cáxsaŋ akinā-it, **nada** ivo hupsī-t'
 бульон быть.горячим-PRS.3SG надо 3SG.ACC дуть-INF
 ‘Суп горячий, надо на него подуть’. [Golovko, Vaxtin 1990: 111], глоссы наши

⁴ Вопрос о заимствовании vs. переключении кодов в эвенкийских конструкциях с *надо* — предмет отдельной дискуссии. В [Рудницкая, в печати] убедительно показано, что разные употребления *надо*, встречающиеся в эвенкийских текстах, следует трактовать по-разному: с русским инфинитивом, как в (10), — к переключению кодов, с эвенкийским зависимым, как в (11), — к бесспорным заимствованиям.

⁵ Большое спасибо анонимному рецензенту, обратившему на них мое внимание.

Здесь, как и в (3)–(9), модальный предикат русский, основа зависимого глагола алеутская, показатель инфинитива *-t'* русский. Но на структурном уровне это иное явление. В медновском алеутском из русского языка берется не только инфинитивный показатель, но и практически все маркеры глагольного словоизменения. А большинство глагольных основ, за исключением вышеназванных модальных, берется из алеутского языка, ср. в (13а) *асй-уи* 'мерзну' с русским показателем PRS.1SG, в (13б) *акинā-ит* 'горячий' с русским показателем PRS.3SG. См. подробнее [Меновщиков 1964; Golovko, Vakhtin 1990; Golovko 1996]. Медновский алеутский — особый смешанный язык, сформировавшийся в необычных социолингвистических условиях (см. [Golovko 1994]), и инфинитивные конструкции (13) — естественная часть его грамматики, а не случай переключения кодов. Никакая из известных разновидностей нанайского языка, в том числе и представляемая в обсуждаемых текстах, на статус отдельного смешанного языка с относительно стабильной единой грамматической системой, подобного медновскому алеутскому, или даже на статус смешанного идиолекта, не претендует.

4. Место инфинитивных конструкций с переключением кодов в классификации русских инфинитивных конструкций

В русском языке бессоюзное инфинитивное зависимое допускают следующие семантические группы предикатов: фазовые (*начать, закончить* и под.); модальные (возможности, необходимости, желания: *мочь, нужно, хотеть*); предикаты восприятия, в т. ч. физического (*рад, весело, больно*); манипулятивные глаголы (*заставить, разрешить*); глаголы речи, примыкающие к разным семантическим группам (*сказать, велеть, обещать, просить*); имплицативные глаголы (*умудриться, успеть*); глаголы движения и изменения позиции (инфинитив цели).

Ключевой параметр классификации бессоюзных инфинитивов — контроль невыраженного субъекта при инфинитиве. Он может быть субъектный (со стороны субъекта главного предиката: *он хочет уйти*); объектный (со стороны разного типа объектов главного предиката: *приказал мне уходить, поставил суп вариться*); произвольный (невыраженный субъект инфинитива — обобщенный или совпадает с участником речевого акта: *можно купить*), см. подробнее, например, [Пекелис 2002].

Для некоторых конструкций можно считать инфинитив частью системы переключения референции. Так, при глаголе *хотеть* сентенциальный актанта оформляется инфинитивом или финитной клаузой с союзом *чтобы* в зависимости от того, кореферентен ли субъект сентенциального актанта субъекту главного предиката: *хочу уйти vs. хочу, чтобы он ушел*. Для других конструкций это не так: например, для глагола *мочь* кореферентность субъектов и выбор инфинитива — единственная возможность⁶.

Наконец, есть основания считать, что русские инфинитивные обороты не одинаковы по синтаксическому объему, см. противопоставление инфинитивных оборотов клаузального объема (СР) и объема глагольной группы (VP) в [Babby 1998]. В [Герасимова А. А. 2015; 2016] к разным типам русских актанных инфинитивных конструкций применен ряд синтаксических тестов, позволяющих выделить среди них даже не два, а три класса, различных по объему (наибольшего объема — СР, промежуточного — ТР и наименьшего — VP). Основными критериями служат предпочтительная позиция отрицания (перед матричным предикатом или перед зависимым: *не стал говорить / стал не говорить*)

⁶ Маргинально сочетание *мочь + чтобы* с некорреферентностью субъектов допустимо под отрицанием: *Не могу, чтобы у меня кто-то за спиной стоял* [С. Алексеевич, НКРЯ].

и возможность лицензировать отрицательное местоимение на *ни-* при разном порядке компонентов конструкции (*ничего не обещал опубликовать* / *ничего не нравится публиковать*). В этих же работах показано, что объем инфинитивного оборота (по крайней мере, до определенной степени) коррелирует с типом контроля инфинитива и с семантическим классом матричного предиката.

В наших оборотах с переключением кодов представлены конструкции с субъектным и произвольным контролем, но не с объектным.

Среди семантических классов матричных предикатов представлены фазовые (*начать, стать*), модальные (*можно, надо*), а также предикаты *бояться* и *легко*, которые с некоторой долей условности можно отнести к экспериментальным. Встретился также инфинитивный оборот в составе сильно грамматикализованных конструкций с *быть* и *стать*. Не встретилось примеров с целевым инфинитивом.

Что касается синтаксического объема, то кажется, что, по крайней мере, основная часть инфинитивных оборотов с переключением кодов — это обороты наименьшего синтаксического объема. Оговорки требуют инфинитивы при модальных предикативах и при предикатах *бояться* и *легко*, которые в цитируемых выше работах не рассматриваются. При модальных предикативах, как кажется, имеет смысл постулировать произвольный контроль, но при этом малый объем инфинитивного оборота (как для модальных глаголов). Ср. основной тест на лицензирование отрицательного местоимения, описанный в [Герасимова А. А. 2015]. Он, похоже, дает одинаковые результаты, например, для *хотеть* и *нужно*: *он ничего не хочет менять / он не хочет ничего менять* и *ничего не нужно менять / не нужно ничего менять*. Такой результат ожидается для оборотов объема глагольной группы. Определение объема инфинитивного оборота при *легко* затруднено, поскольку к нему с трудом применимы тесты на отрицание. Глагол *бояться* скорее примыкает к группе модальных, чем к группе экспериментальных, и его инфинитивное зависимое также, видимо, имеет объем глагольной группы, ср. *человека, который никому не боялся говорить правду* [Л. Н. Толстой, НКРЯ] и *я не боюсь ни в чем признаваться себе* [А. А. Григорьев, НКРЯ].

С некоторыми оговорками можно также сказать, что переключению кодов доступны те обороты, в которых инфинитив не выполняет роли маркера переключения референции (т. е. не конкурирует с союзной финитной зависимой клаузой, маркирующей разносубъектную конструкцию). Это может объяснить отсутствие в выборке, например, частотного матричного предиката *хотеть*. Недостаток этой формулировки в том, что она предсказывает запрет на матричный предикат *надо* (ср. *надо делать* и *надо, чтобы он сделал*), неоднократно встретившийся в выборке. Однако, строго говоря, неизвестно, возможно ли разносубъектное употребление *надо* в (достаточно специфическом) идиолекте носителя VSG. Очень может быть, что ею освоены только значительно более частотные сочетания с инфинитивом⁷. По крайней мере, в записанных от нее русских текстах сочетания *надо + чтобы* не встретилось.

Примеров в выборке мало, поэтому сформулированные ограничения носят предположительный характер.

В таблице 2 дана классификация русских актантных инфинитивных оборотов, основанная на [Герасимова А. А. 2015; 2016]. В таблицу добавлена информация о том, можно ли считать инфинитив в данной конструкции средством переключения референции и зафиксирована ли такая конструкция в текстах VSG с переключением кодов.

⁷ Это предположение подкрепляется также тем, что русская система VSG с очевидностью находится под влиянием нанайской, а в нанайском языке самым нейтральным средством выражения смысла типа ‘надо, чтобы’ была бы не полипредикативная конструкция, а финитная форма имперсонала, см. раздел 5. Второй аргумент: известно, что для русских старожильческих говоров Сибири сочетание *надо + чтобы* нехарактерно (только *надо + INF*), см. [Блинова 1993: 172–173]. Район распространения горинского нанайского относится к территориям позднего заселения русскими, однако приведенный выше факт кажется все же неслучайным.

Таблица 2

Классификация русских бессоюзных инфинитивных оборотов и данные по переключению кодов

Семантический класс матричного предиката	видо-временной <i>быть</i> , фазовые, модальные, имплицативные предикаты, глаголы речи типа <i>обещать</i>		манипулятивные предикаты, глаголы речи типа <i>сказать</i>	экспериментивные предикаты
Тип контроля	субъектный		объектный	произвольный
Синтаксический объем оборота	VP		TP	CP
Инфинитив в системе переключения референции	нет	да	нет	по-разному
Засвидетельствован в конструкциях с переключением кодов в текстах VSG	да	(нет)	нет	(нет)

5. Аналоги русских инфинитивных конструкций в нанайском языке

В нанайском языке нет единого эквивалента русским инфинитивным конструкциям. Некоторым из них соответствуют глагольные конструкции разных типов, некоторым, наряду с ними или исключительно, морфологические показатели. В конструкциях с сен-тенциальным актантом зависимый глагол обычно нефинитный, занимает позицию перед матричным предикатом. Подробно о сен-тенциальных актантах в нанайском языке см. [Герасимова А. Н. 2006: 199–220]. Основные нефинитные формы, соответствующие русскому бессоюзному инфинитиву, — номинализация настоящего времени, оформленная падежным суффиксом (15); целевая форма (16); форма имперсонала без падежа или с аффиксом аккузатива (17); одновременное деепричастие (18).

- (15) Mī žobo-j-i-wa əži kočekan-da!
 1SG работать-PRS-1SG-ACC PRON мешать-NEG
 ‘Не мешай мне работать!’ (nsz, элицитация)
- (16) mimbə bələči-ru=əm əjə-žiə niə-gu-gu-ji-wə
 1SG.ACC помогать-IMP.2SG=QUOT ЭТОТ-ABL ВЫХОДИТЬ-REP-DEST-1SG-OBL
 ‘Помоги мне вылезти отсюда’. (itg, тексты)
- (17) и nuči-du-əri buə ŋlə-či-i bi-či
 *** маленький-ДАТ-P.REFL.PL 1PL пугаться-IPFV-PRS быть-PRST
 təj mō žakka-do-a-ni pulsi-u-ri
 тот дерево рядом-ДАТ-OBL-3SG ходить-IMPS-PRS
 ‘Маленькими мы боялись ходить возле этих деревьев’. (sds, тексты)
- (18) əmūčən xoni mutə-j ɛra-go-mi
 в.одиночку как мочь-PRS нести-REP-CVB.SIM.SG
 ‘Как одна сможет отвезти?’ (nchb, тексты)

Инфинитивным конструкциям, в которых зафиксировано переключение кодов, соответствуют последние два средства — форма имперсонала (17) и форма одновременного

деепричастия (18). Одновременное деепричастие употребляется при предикатах, допускающих только субъектный контроль: модальных и фазовых глаголах. Имперсонал — при произвольном контроле: в конструкциях с глаголом ‘бояться’ и предикативными словами *aja* ‘можно, хорошо’, *ačāsi* ‘нельзя’, *gələj* ‘нужно’, *žā, xən’u* ‘легко’ и др. В некоторых (но не во всех) из перечисленных случаев допустимы и имперсонал, и одновременное деепричастие.

6. Нанайские формы имперсонала и одновременного деепричастия

Опишем подробнее нанайские формы, эквивалентные русскому инфинитиву, допускающему переключение кодов.

Имперсональная форма, помимо зависимой клаузы (ср. (17)), может оформлять и независимую, ср. (19).

- (19) əj xajgoaso rajxapsi xaj-du bā-**o-ri** žea-sel-go-i
 этот зачем скучно что-ДАТ находить-IMPS-PRS друг-PL-DEST-P.REFL.SG
 ‘Ах, как скучно! Где же найти друзей?’ (ltk, тексты)

В обоих случаях она вводит значение обобщенного субъекта и дополнительный модальный оттенок. Отметим, что и в независимом употреблении она схожа с русским инфинитивом (ср. перевод (19)). Русская конструкция с независимым инфинитивом, как в переводе (19), также имеет модальный оттенок и, хотя и не устраняет субъект, но синтаксически понижает его (см., например, [Wiemer 2017: 281–288]). Еще одно употребление нанайского имперсонала, сближающее его с русским инфинитивом, — субстантивированное, со значением имени ситуации или объекта ситуации, как в (20):

- (20) xon’a ulən əsi n’əpultə žog-do **sea-o-ri**=da əgži
 как хороший теперь мех дом-ДАТ есть-IMPS-PRS=EMPH много
 ‘Как хорошо теперь, пушнины и еды в доме много!’ (nchb, тексты)

Нанайская форма имперсонала содержит собственно специализированный суффикс имперсонала (-wO~-O) и суффикс времени (настоящего или прошедшего). При этом форма имперсонала с аффиксом прошедшего времени встречается редко. Вполне возможно, что форма имперсонала настоящего времени осознается носителями как нечленимая застывшая форма.

Одновременное деепричастие в основном своем употреблении обозначает второстепенную ситуацию, одновременную с ситуацией главной клаузы, ср. (21). Требуется кореферентности невыраженного субъекта зависимого предиката субъекту главного. Имеет две формы (-mi~-mAri) в зависимости от числа субъекта.

- (21) tuj ta-mia=tani lakečo songgo-lo-xa tuj songgo-**mia**=goa
 так делать-CVB.SIM.SG=a Лакичо плакать-INCH-PST так плакать-CVB.SIM.SG=PTCL
 ənə-lu-xə-ni
 идти-INCH-PST-3SG
 ‘Тогда вдруг Лакичо заплакал и, так плача, пошел’. (lfs, тексты)

7. Суффикс настоящего времени в нанайском языке и в конструкциях с переключением кодов

Глагол — вершина инфинитивного оборота состоит из нанайской основы, нанайского суффикса презенса и (в большинстве случаев) русского суффикса инфинитива.

Нанайский суффикс презенса не всегда различим на поверхностном уровне. Нужно убедиться, что это действительно он, и оценить, насколько он ожидаем на этом месте исходя из грамматической системы нанайского языка. Ниже приводятся морфонологические характеристики этого суффикса в нанайском языке и перечень его функций. Нам будет интересно, какие морфемы могут за ним следовать, употребляется ли он в нефинитных формах и насколько его семантика совместима с семантикой русского инфинитивного оборота.

7.1. Нанайский суффикс презенса: морфонология

Суффикс презенса присоединяется непосредственно к лексической основе (вслед за корнем или деривационными суффиксами)⁸. За ним следуют показатели лица-числа или падежа (для некоторых нефинитных употреблений). В некоторых случаях он может быть последним аффиксом в словоформе (см. раздел 7.2).

Суффикс имеет алломорфы $-j(-i) \sim -ri \sim -\dot{z}i \sim -\dot{c}i$ в зависимости от типа основы. При основах с исходом на краткий гласный он имеет вид $-j$ или $-i$. На поверхностном уровне сочетание суффикса презенса с гласным основы часто реализуется как единый дифтонг: $a + j > ai$, а для (достаточно частотных) основ на $-i$ суффикс неразличим на поверхностном уровне. Для основ с исходом на долгий гласный или дифтонг суффикс презенса имеет вид $-ri$. При основах на $-n$, $-l$ и нескольких основах на гласный используется вариант $-\dot{z}i$. Наконец, для основ на $-p$ выбирается вариант $-\dot{c}i$, см. [Аврорин 1961: 67–71]. Для нас важно, что это морфонологические правила, релевантные конкретно для этого показателя, а не синхронные автоматические правила нанайской фонетики⁹.

Среди встретившихся инфинитивов с переключением кодов два глагола с основой на $-i$ (*otoli-m̄* ‘уметь’): в них суффикс презенса (если он есть) на поверхностном уровне не вычленяется (как и должно быть в соответствии с общими правилами). Многие — с основой на краткий гласный (*ənə-j-m̄* ‘идти’): в части из них суффикс произносится не очень отчетливо, но в других дифтонг или $-j$ вполне различим. Более того, в двух примерах его бесспорное наличие дополнительно подтверждается формой русского инфинитивного суффикса, который реализуется после $-j$ как $-ти$, а не $-ть$, по аналогии с немногочисленными русскими основами на $-j$: *xuləj-mi* ‘копать’ (ср. *пойти*, *найти*). Есть и примеры на глаголы с другими типами основ, требующих суффикса «согл. + гласн.»: на долгий гласный (*sā-ri-m̄* ‘знать’) и на согласный (*žər-ċi-m̄* ‘есть’). Все они ведут себя в соответствии с нанайскими правилами образования презенса. Это доказывает, что (а) русский инфинитивный маркер присоединяется не к чистой основе, (б) показатель, к которому он присоединяется, — это действительно показатель презенса (или, по крайней мере, показатель, формально в точности с ним совпадающий).

⁸ Исключения — упоминавшаяся выше форма имперсонала (временному суффиксу предшествует суффикс имперсонала) и синтетическая форма отрицания (временному суффиксу предшествует суффикс отрицания).

⁹ В нанайском языке есть и другие глагольные аффиксы с похожим распределением по основам: суффиксы одновременного деепричастия, отрицания и непрочешедшего времени асертива $-A \sim -rA \sim -dA \sim -tA$, императива $-O \sim -rO \sim -dO \sim -tO$. Однако это объясняется их предположительно общей этимологией (см. [Аврорин 1961: 68] о нанайском, а также [Суник 1962: 215–228] и приведенную там библиографию о тунгусских языках в целом), а не действием синхронных фонетических правил. В качестве диахронически исходного восстанавливается вариант суффикса на r (реализуемый синхронно только после основ на долгий гласный или дифтонг), сочетание r с предшествующим согласным в нанайском языке не встречается, но с кратким гласным в других позициях возможно (ср. *morin* ‘лошадь’). Точно так же синхронными фонетическими правилами не объясняется, почему большая часть глаголов на краткий гласный требует суффикса $-j \sim -i$, а некоторые суффикса $-\dot{z}i$.

7.2. Нанайский суффикс презенса: функции

Если, как показано выше, суффикс, оформляющий вершину инфинитивного оборота, — это действительно нанайский суффикс презенса, то возникает вопрос, почему и в какой роли он в ней появляется.

В нанайском языке этот суффикс встречается в финитных формах настоящего времени (широко используемых также и в футуральных контекстах). В них он сопровождается показателями лица-числа субъекта (22), которые, впрочем, в части контекстов могут опускаться.

- (22) əniə maŋa ənu-s-i-n^l=əm=də
 мать трудно болеть-IPFV-PRS-3SG=QUOT=EMPH
 ‘Мать тяжело болеет, говорит’. (nmch, тексты)

Те же формы настоящего времени (без лично-числового показателя) используются в атрибутивной функции, как причастия настоящего времени (23).

- (23) ənu-si-j əktə=təni niə-xə-ni boa-či
 болеть-IPFV-PRS женщина=a выходить-PST-3SG на.улице-LAT
 ‘Больная (болеющая) женщина вышла на улицу’. (mixzar, тексты)

Они же в качестве имени ситуации выступают в вершине зависимых клауз разных типов, (24), ср. также (15). В этом употреблении принимают падежный аффикс, соответствующий семантическому типу зависимого (аккузатив в (24)), и лично-числовой показатель, соответствующий лицу-числу субъекта зависимой клаузы (3sg в (24)), при совпадении субъектов главной и зависимой клаузы на месте лично-числового показателя рефлексивный.

- (24) xaj-do=da bi-i-wə-ni mī sā-ra-sim-bi
 что-DAT=EMPH быть-PRS-ACC-3SG 1SG знать-NEG-PRS.NEG-1SG
 ‘Где он (город) находится, я не знаю’. (itg, тексты)

В этом фрагменте нанайской грамматики, таким образом, отсутствует жесткая граница между финитными и нефинитными формами. Диахронически исходные употребления формы презенса — нефинитные, позже она проникает в систему финитных форм и вытесняет исходную форму настоящего времени. Последняя («форма настоящего времени утвердительного наклонения» по В. А. Аврорину) используется в современном нанайском языке редко, в особых эмфатических контекстах, см. подробнее в [Аврорин 1961].

Особый тип употреблений форм презенса — в аналитической конструкции имперфекта с глаголом *bi-* ‘быть’ (похожей на русскую конструкцию с *бывало*). Глагол *bi-* ‘быть’ выступает в ней в прошедшем времени, а смысловой глагол — в презенсе, который может быть оформлен лично-числовым показателем, но чаще встречается без него (см. [Оскольская 2015]), ср. (25).

- (25) Wəliŋə sagʒi tul-tul ənu-s-i bi-čin
 Вэлинэ старый всё.время болеть-IPFV-PRS быть-PST
 ‘Вэлинэ был старый и всё время болел’. [Аврорин 1986: текст 44:2]

Тот же суффикс выделяется в форме настоящего времени имперсонала: в ней он следует за суффиксом имперсонала и не сопровождается лично-числовыми показателями (см. разделы 5–6).

Суффикс настоящего времени парадигматически противопоставлен суффиксу прошедшего времени (*-xA(n) ~ -či(n) ~ -ki(n)*), который имеет тот же набор употреблений.

8. Анализ данных

8.1. Модель переключения кодов внутри предложения К. Майерс-Скоттон

Чтобы объяснить наблюдаемые ограничения на переключение кодов в инфинитивном обороте, прояснить внутреннюю структуру фрагментов с переключением кодов и понять, почему границы переключаемых фрагментов проходят именно в этих местах, ниже будет использован теоретический аппарат К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 1997; 2002; 2004; Myers-Scotton, Jake 2009; 2017].

К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 1997] предлагает асимметричную модель переключения кодов на уровне предложения: Matrix Language Frame Model (MLF). В ней противопоставлены матричный язык (matrix language, ML), поставляющий структуру, морфосинтаксическую рамку предложения, и включенный язык (embedded language, EL), из которого могут приходиться содержательные элементы предложения¹⁰. Модель допускает также т. н. «острова включенного языка» (embedded language islands) — составляющие, полностью оформленные по правилам включенного языка. В простом случае матричный язык — это один из взаимодействующих языков («классическое» переключение кодов). В [Myers-Scotton 2002; 2004] в модель добавлено также «составное» (composite) переключение кодов, при котором морфосинтаксическая «рамка» составная, т. е. сочетает правила обоих взаимодействующих языков. В этом случае могут менее регулярно соблюдаться принципы, сформулированные для классического переключения кодов.

Основные принципы, регулирующие переключение кодов, таковы.

- а) в соответствии с принципом порядка морфем (Morpheme Order Principle), порядок элементов в клаузе с переключением кодов определяется правилами только одного языка, а именно матричного;
- б) принцип системных морфем (System Morpheme Principle) определяет, какие морфемы могут браться из обоих языков, а какие — только из матричного. Морфемы Майерс-Скоттон делит на четыре типа (4-M model, [Myers-Scotton 2002: 73 ff.; 2004]): «содержательные» (content morphemes, например все именные и глагольные корни); «ранние системные морфемы», уточняющие значение содержательных (early system morphemes: часть служебных слов, деривационные и некоторые словоизменяющие аффиксы, например аффиксы числа существительных), а также два типа «поздних системных морфем»: «соединительные», обеспечивающие связность внутри составляющей (bridges: например, показатели отношений внутри именной группы, такие как англ. *of*) и «внешние», указывающие на связь составляющей с внешним синтаксическим контекстом (outsiders: например, все согласовательные показатели). Термины «ранние» и «поздние» указывают на предполагаемый этап в порождении высказывания, когда в структуре возникает та или иная морфема (подробнее об этом см. [Myers-Scotton, Jake 2014; 2015; 2017]). Строгое ограничение на язык-источник формулируется только для поздних внешних морфем (late outsider morphemes): они должны принадлежать матричному языку;
- в) принцип неизменной структуры (Uniform Structure Principle, [Myers-Scotton 2002: 119 ff.]) предполагает, что за каждым типом составляющих (в определенном

¹⁰ Отметим не очень удобную для тематики данной статьи омонимию. «Матричный» будет использоваться в статье и в синтаксическом смысле в сочетании «матричный предикат» (предикат, вводящий сентенциальный акт), и в терминологии переключения кодов в сочетании «матричный язык» (язык, поставляющий основную грамматическую структуру).

языке) закреплена определенная неизменная морфосинтаксическая структура и она должна использоваться каждый раз, когда в речи возникает составляющая этого типа. Это обычно структура из матричного языка, в островах включенного языка это может быть структура включенного языка, однако нарушение, видоизменение структуры принципом не предусмотрено.

8.2. Вопрос о матричном и включенном языке

Можно ли описать наши конструкции в рамках этой асимметричной модели¹¹, и если да, то к какому типу они относятся и какой язык считать в данном случае включенным, а какой матричным?

Модель Майерс-Скоттон была изначально разработана для другого социолингвистического типа ситуаций переключения: прежде всего на материале пар «матричный язык — родной, основной используемый язык, включенный — менее освоенная лингва-франка». Для ситуации полузабытого родного языка сама Майерс-Скоттон предполагает, что в них может наблюдаться смена матричного языка как на уровне поколений в процессе утраты языка, так и на уровне конкретного носителя и текста. Для этой же ситуации оговаривается возможность «составного» переключения кодов (composite code-switching), для которого допускаются отступления от общих правил [Myers-Scotton 2002: 100].

В рассматриваемых текстах есть клаузы, для которых можно постулировать матричный нанайский язык, и такие, для которых можно постулировать матричный русский, ср. (26а) и (26б) из одного текста:

(26) а. **Деда-ž** энэ-ј-ру јә-лә
 ***-INS идти-PRS-1PL этот-LOC
 ‘С дедом едем здесь’. (vsg, тексты) — МЛ нанайский

б. А **si** сзади толкай
 *** ты *** ***
 ‘А ты сзади толкай’. (vsg, тексты) — МЛ русский

А для предложения (27) из того же текста, видимо, придется постулировать составной матричный язык (т. е. составное переключение кодов). Большая часть лексики и вся морфология взята из нанайского языка, порядок слов нанайский. При этом словоформа *охота-č* ‘на охоту’ оформлена нанайским лативом, но следует русскому морфосинтаксическому образцу. В нанайском тексте на этом месте ожидался бы глагол ‘охотиться’ (*wajša-* или *boato-*), а не существительное.

(27) Ата **охота-č** энэ-хә-пи
 отец ***-LAT идти-PST-3SG
 ‘Отец пошел **на охоту**’. (vsg, тексты) — МЛ составной

Клаузы с разным матричным языком в пределах одного текста не противоречат модели Майерс-Скоттон (единство матричного языка строго требуется в ней только в пределах клаузы), однако это признается нетипичным.

¹¹ Вопрос о том, всегда ли между языками, вовлеченными в переключение кодов, наблюдается структурная асимметрия, хотя бы на уровне клаузы, остается дискуссионным. См., например, концепцию [Porlack 1980], в которой языки рассматриваются как равно вовлеченные в процесс переключения, или концепцию [Muysken 2000], в которой часть возникающих при переключении структур признается асимметричными (insertion), а часть симметричными (alternation).

Переключение кодов в инфинитивных конструкциях можно отнести к классическому с матричным русским языком и включенным нанайским (однако, учитывая сказанное выше, не исключено, что морфосинтаксическая рамка отчасти находится и под влиянием нанайского). Главный предикат и его несентенциальные зависимые русские. Нанайский фрагмент синтаксически и отчасти морфологически интегрирован в русский. Его можно считать островом или несколькими островами включенного языка (см. раздел 8.3). Порядок главной и зависимой частей русский. Нейтральный порядок компонентов конструкции для нанайского языка с препозицией зависимого ('работать начал'), для русского языка — с постпозицией (*начал работать*). В рассматриваемых клаузах с переключением кодов примерно равное количество препозитивных и постпозитивных зависимых (раздел 3). Учитывая, что в русском языке порядок компонентов не жесткий (особенно в спонтанной устной речи), предсказание о порядке компонентов, соответствующем матричному языку, наблюдаемые данные не нарушают.

8.3. Нанайский фрагмент в инфинитивном обороте как остров включенного языка

Все или большинство зависимых инфинитива берутся из нанайского языка и получают нанайское морфосинтаксическое оформление (см. раздел 3). В терминах Майерс-Скоттон это остров или острова включенного языка. Можно ли считать единым островом весь нанайский фрагмент — недооформленный глагол с его зависимыми (*təj najʒi in'əktəj*- 'над этими людьми смеяться.PRS-' в примере (28) ниже), и если да, то какова его синтаксическая структура?

(28=9) Тəj paj-ʒi in'əktə-j-ть нельзя\
 тот человек-INS смеяться-PRS.*** ***
 'Над этими людьми смеяться нельзя'. (vsg, тексты)

Моделью это не запрещается: Майерс-Скоттон упоминает неполные («внутренние») острова, описывая именные группы с артиклем из матричного языка и всем остальным оформлением из включенного [Myers-Scotton 2002: 149–153].

При этом, по ее наблюдениям, обычно острова включенного языка — это синтаксически периферийные элементы клаузы (адьюнкты), чаще короткие; если остров затрагивает аргументную структуру, то это должно быть чем-то мотивировано (например, остров может образовать устойчивое сочетание на включенном языке) [Ibid.: 140–141]. Возможна полипредикативная конструкция, в которой главная клауза на одном языке, а зависимая на другом, и тогда это трактуется не как остров включенного языка, а как две клаузы с разными матричными языками. Но наши инфинитивные конструкции ближе к моноклаузальным (см. раздел 4), так что такой анализ для них не подходит.

Похожий на наши пример (29) приводится в [Myers-Scotton 1997]:

(29) Ni-ka-wash-ing all the clothing¹²
 1SG-CONSEC-мыть-NMLZ все DEF одежда
 'Я постирал всю одежду'. [Myers-Scotton 1997: 80], суахили / английский

П. Мейскен [Muysken 2000: 62], цитируя его, предлагает считать английский фрагмент *-washing all the clothing* единой английской глагольной группой, вставленной в структуру суахили. Он апеллирует к принципу смежности (*adjacency principle*): если в клаузе с переключением кодов встречается фрагмент на одном языке, то предпочтителен анализ,

¹² Здесь и далее, если в предложении с переключением кодов запись для обоих языков латиницей, разноязыковые фрагменты набраны прямым шрифтом и курсивом.

при котором он считается единым. Сама Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 2002: 142–143], однако, отвергает эту интерпретацию и видит здесь два отдельных англоязычных фрагмента: глагольную основу, интегрированную в морфологическую рамку суахили (-washing), и остров включенного языка, состоящий только из именной группы (*all the clothing*). В качестве мотивации для образования этого объектного острова называется наличие в группе квантификатора (такие группы склонны образовывать острова).

Однако в нашем случае аргументы зависимого глагола всегда нанайские (см. раздел 3), и странно предполагать, что это случайное совпадение, и в каждом случае искать этому отдельную причину. Логичнее считать, что недооформленный глагол вместе со своими аргументами все-таки образует единый остров включенного языка. Этому есть синтаксическое подтверждение. Возьмем к предложению (28). Если *in'əktə-j-* 'смеяться' и *taj najʒi* 'над этими людьми' — это две отдельные нанайские вставки, то не до конца понятно, откуда составляющая *taj najʒi* берет модель управления с инструменталисом. Морфология и внутренний синтаксис острова приходят из включенного языка, но про модель управления ожидается, что она берется из внешнего контекста. Если *in'əktə-j-* — отдельная вставка в русский глагол, то и модель управления ожидается русская, отличная от нанайской.

Ср. также пример (30) без русского инфинитивного маркера:

(30) А Витька будет == žapalač-i будет žili-du-ni\

*** *** *** *** придерживать-PRS *** голова-ДАТ-3SG

'А Витька будет — держать будет ее за голову'. (vsg, тексты)

Про (30) уже нельзя сказать, что русский инфинитив (с нанайским лексическим наполнением) имеет в качестве аргумента нанайскую именную группу. *Žapalači žilidumi* ('держат ее за голову') — единый (хотя и разрывной¹³) остров включенного языка.

Еще одно свидетельство в пользу единого острова включенного языка — порядок слов в инфинитивном обороте. В девяти из одиннадцати предложений с неоднословным инфинитивным оборотом инфинитив находится в конце оборота. Это соответствует правилам нанайского языка с базовым (хотя и не строгим) порядком SOV. Нанайский порядок слов — аргумент в пользу единого острова, организованного по нанайским правилам. Однако и в русской спонтанной устной речи порядок слов очень вариативен, т. е. правила матричного языка такой порядок напрямую не нарушает.

Таким образом, применительно к данному случаю следует считать, что, принимая русский показатель инфинитива, нанайский глагол не теряет своих глагольных свойств и, соответственно, требует нанайской же аргументной структуры, которая может идти вразрез с русской, как в (28). Отсюда, в соответствии с «принципом неизменной структуры», и образование острова.

Что касается сирконстантов, то часть из них приходит из включенного языка (нанайского), а часть из матричного (русского). Морфосинтаксическое оформление сирконстантов не зависит от глагола, и такого ограничения, как для аргументов, нет. Оба встретившихся русских сирконстанта: *рядом* и *там* — локативные «детерминанты», находящиеся высоко в синтаксической структуре.

8.4. Ограничения на тип инфинитивного оборота

Итак, нанайский зависимый глагол и его аргументы образуют единый оборот, единый остров включенного языка в терминах Майерс-Скоттон. Еще раз повторим сформулированные в разделе 4 ограничения на инфинитивные обороты, доступные для переключения: это актантные бессоюзные обороты малого синтаксического объема (предположительно

¹³ К нему, таким образом, уже не применима логика П. Мейскена.

В терминах Майерс–Скоттон пришлось бы либо сказать, что единого острова включенного языка такой оборот, как в (336), не образует (т. е. *bauen* и *ein Haus* — это две отдельные вставки), либо что это не классическое переключение кодов, а составное (при котором на переключенный фрагмент действуют правила обоих языков). Сходным образом (хотя и в других терминах) примеры типа (336) из нескольких других языковых пар интерпретируются в [Muysken 2000: 253–259].

Таким образом, инфинитивные обороты такого объема, как в нашем случае, видимо, действительно представляют проблему для переключения кодов и подвержены в разных языках ограничениям: либо невозможны вовсе, либо наследуют синтаксис матричного языка и канонический остров включенного языка не образуют, либо в них наблюдается дублирование маркера зависимости (инфинитивного показателя).

Есть еще два свойства инфинитивных оборотов с переключением между нанайским и русским, важные для дальнейшего обсуждения. Во-первых, переключению подвергаются только обороты, в которых инфинитив — единственное средство выражения сентенциального актанта (т. е. он не конкурирует с финитной клаузой и не служит средством переключения референции). Это будет важно при обсуждении ниже, в разделах 8.5 и 10.

Во-вторых, переключение кодов доступно для тех инфинитивных оборотов, которым в нанайском языке соответствует одна из двух стратегий оформления: с помощью одновременного деепричастия (соответствует большинству инфинитивных оборотов с субъектным контролем) и с помощью формы имперсонала (соответствует оборотам с произвольным контролем). Важно, что единого средства, функционально эквивалентного русскому инфинитиву или хотя бы части его употреблений, укладывающейся в сформулированные выше ограничения, в нанайском языке нет.

Чем именно формы имперсонала и одновременного деепричастия противопоставлены прочим? К основным русским конструкциям с манипулятивными глаголами (*заставлять*, *разрешать*) в нанайском языке ближе всего вообще не глагольная конструкция, а аффикс каузатива. Другие формы, маркирующие вершину сентенциального актанта в нанайском языке — причастия и целевая форма — в отличие от имперсонала и одновременного деепричастия, содержат лично-числовой показатель, обслуживающий систему переключения референции. В односубъектных конструкциях выбирается показатель рефлексива, в остальных случаях — соответствующий лицу-числу субъекта.

Форма имперсонала содержит маркер презенса (см., впрочем, оговорку в разделе 6), одновременное деепричастие имеет две формы в зависимости от числа субъекта, однако и имперсонал, и деепричастие оказываются ближе к русскому прототипу неизменяемой нефинитной формы. Причем форма имперсонала близка к нему функционально и в других употреблениях: независимом и субстантивированном (см. раздел 6).

Однако, по крайней мере оставаясь в рамках модели матричного языка, нельзя напрямую апеллировать к нанайским конструкциям, описывая ограничения на рассматриваемый тип переключения кодов. Представленная выше логика была бы понятна, если бы речь шла о соответствующих нанайских формах на месте ожидаемого русского инфинитива или хотя бы о сочетании этих форм с русским показателем инфинитива. Тогда можно было бы говорить о том, что при части матричных предикатов переключение кодов блокируется из-за несходства (отсутствия «конгруэнтности», см. [Sebba 2009]) между типом предиката и формой нанайского зависимого глагола. Но в рассматриваемых примерах и матричный предикат, и показатель инфинитива русские. Исходя из этого, нет оснований предполагать, что говорящий обращается к нанайской, а не только русской морфосинтаксической структуре при построении предложения с переключением кодов, за исключением острова включенного языка, в который показатель инфинитива не входит.

Некоторые объяснения наблюдаемой картине я постараюсь дать ниже, см. разделы 8.5 и 10.

8.5. Показатель настоящего времени в зависимом глаголе

Основная проблемная точка в инфинитивных конструкциях с переключением кодов — «составная» форма, в которой выступает зависимый глагол. Русский показатель инфинитива присоединяется в ней не непосредственно к основе, а к нанайскому суффиксу презенса.

Статус этого временного показателя в составе глагольной словоформы не ясен. Возникают следующие проблемы с его интерпретацией.

1. В русской инфинитивной словоформе такого показателя не должно быть. Из нанайских эквивалентов русского инфинитива он действительно присутствует в форме имперсонала, но не в форме одновременного деепричастия. При этом в форме имперсонала он следует за имперсональным суффиксом, а не за лексической основой, и, кажется, может вообще не осознаваться носителями как отдельный аффикс (см. раздел 6).

2. Непонятно, какое значение он выражает в инфинитивной конструкции. В обычных функциях он используется с референцией не только к настоящему, но и к будущему, и к вневременной ситуации (см. раздел 7.2). В этом смысле семантике инфинитивного оборота его значение не противоречит: при всех матричных предикатах, для которых зафиксировано переключение кодов, инфинитивом выражается ситуация, одновременная или следующая во времени за ситуацией, выраженной матричным предикатом¹⁶. Но и необходимость такого суффикса в словоформе из его значения не следует.

3. Наконец, самое главное: показатель времени в составе глагольной словоформы противоречит предполагаемому синтаксическому объему инфинитивного оборота. Если весь инфинитивный оборот ограничен объемом глагольной группы, то внутри нее не должен появляться показатель времени, поскольку характеристика по времени, как принято считать, находится выше в синтаксической структуре.

Анализ затрудняет полифункциональность формы презенса в нанайском языке (см. раздел 7.2). Логически есть три варианта интерпретации: (i) берется форма настоящего времени индикатива без лично-числовых показателей; (ii) берется нефинитная форма имени ситуации настоящего времени, также недооформленная (без показателей падежа и лица-числа); (iii) в русскую морфосинтаксическую структуру интегрируется форма презенса в своей атрибутивной, причастной, ипостаси.

У каждого варианта есть свои плюсы и минусы. С точки зрения морфологии оптимальный вариант третий: если это атрибутивная форма, то не возникает вопроса о том, почему она недооформлена, т. к. в этом употреблении у нее отсутствуют лично-числовые и падежные показатели. С точки зрения семантики этот вариант, наоборот, самый проблемный: непонятно, как атрибутивная семантика сочетается с функцией сентенциального актанта; оптимальный же вариант — второй (имя ситуации). С точки зрения синтаксиса проигрывает первый вариант: индикативная финитная форма не должна встраиваться в инфинитивный оборот, выигрывает снова второй: имя ситуации — как раз один из способов оформления сентенциальных актантов в нанайском языке (хоть и не соответствующий по функциям русскому инфинитиву). См. обобщение в таблице 3.

Таблица 3

**Интерпретация нанайской формы настоящего времени
в составе русской формы инфинитива**

Тип употребления	Морфология	Семантика	Синтаксис
презнс индикатива 'делај(ет)'	–	+ / –	–
имя ситуации 'делание'	–	+	+
причастие 'делающий'	+	–	+ / –

¹⁶ За исключением сильнограмматикализованных конструкций, применительно к которым вообще нельзя говорить о двух отдельных ситуациях.

Возможно два подхода к нанайской форме в составе русского инфинитива. Первый — считать, что это в данном контексте чисто формальное десемантизированное образование, служащее лишь для удобства вставки нанайского лексического материала в русскую глагольную рамку. Второй — считать, что эта форма сохраняет свои морфосинтаксические и семантические свойства, присущие ей в нанайском языке. Форма атрибутивного причастия и особенно форма презенса индикатива, как видно из таблицы 3, могут быть рассмотрены как потенциальные кандидаты только при первом подходе (который снимает семантические и синтаксические проблемы). Форма имени ситуации — и при втором тоже.

Подход 1: форма настоящего времени как семантически пустая. Рассмотрим первый подход (форма презенса как десемантизированное образование, служащее для удобства интеграции нанайского лексического материала) в рамках типологической классификации, предложенной Я. Вольгемутом для стратегий морфологической адаптации заимствованных глаголов [Wichmann, Wohlgemuth 2008; Wohlgemuth 2009]. Классификация была разработана для случаев лексических заимствований, а не переключения кодов. Однако есть свидетельства того, что при переключении кодов действуют те же самые или очень похожие механизмы, см. [Muysken 2000: 184–220; Myers-Scotton, Jake 2014].¹⁷

Один из параметров в классификации Вольгемута — глагольная форма L1, в которой лексема интегрируется в язык L2. Возможно четыре случая: а) абстрактная форма (abstract form), не представленная в L1 без дополнительных словоизменительных аффиксов; б) обобщенная форма (general form): какая-то из выделенных «дефолтных» форм (форм цитации), например императив или инфинитив; в) форма со словоизменительными показателями (inflected form): одна из форм, которая морфологически почему-либо оказалась удобной для адаптации в L2; г) полуглагольная форма (semi-verbal form), например причастие или масдар.

Не вполне понятно, как квалифицировать в этих терминах наш случай («основа + аффикс настоящего времени») и можно ли его вообще квалифицировать в этих терминах. Я. Вольгемут рассматривает заимствования, а не переключение кодов: в этой ситуации форма L1, попадая в L2, полностью утрачивает свое исходное значение (например, значение императива) и ее выбор диктуется не семантикой, а парадигматическим статусом (дефолтная форма, нефинитная форма) и/или морфонологическими свойствами. При переключении кодов это необязательно. Однако, если удастся вписать наш случай в типологию Я. Вольгемута и предложить формальное, а не семантическое объяснение выбора этой формы, то это будет серьезным аргументом в пользу того, чтобы считать показатель презенса в ее составе частично или полностью десемантизированным. Если считать, что форма восходит к употреблению в функции финитного глагола или имени ситуации, то наш случай квалифицируется как «абстрактная форма» (а), если считать, что к атрибутивному употреблению, то как «полуглагольная форма» (г). В [Myers-Scotton, Jake 2014] утверждается, что именно «полуглагольные» формы легче всего интегрируются в глагольную «рамку» другого языка при переключении кодов. Это объясняется в работе тем, что «полуглагольный» статус обеспечивает отсутствие конкуренции между синтаксическими структурами взаимодействующих языков: при переключении кодов этот фактор более значим, чем при заимствовании.

Можно ли считать выбор этой формы морфонологически мотивированным? На ее месте можно было бы представить другие формы: прошедшего времени, имперсонала, одновременного и одновременного деепричастий, — а также чистую основу. Разновременное деепричастие и особенно форма прошедшего времени, помимо того, что они не сочетаются с конструкцией семантически (выражают предшествование), плохо сочетаются с русским суффиксом инфинитива морфонологически. Показатель разновременного деепричастия в одной из реализаций оканчивается на -ə (такого исхода основы в ударном варианте

¹⁷ См. также подробное рассмотрение отдельных типов адаптации глаголов при переключении кодов в [Myers-Scotton & Jake 2017]; [Alexiadou 2017].

у русских основ нет), показатель прошедшего времени — на *-n*. Чистая основа также вызывает проблемы: она может иметь разные исходы (см. раздел 7.1), в том числе недопустимые для русской основы инфинитива. Одновременное деепричастие и имперсонал сочетаются с русским показателем инфинитива даже лучше, чем форма настоящего времени: обе формы оканчиваются на *-i* — регулярный частотный исход русской основы инфинитива. Показатель презенса также оканчивается либо на *-i*, либо (от довольно значительной части основ) на *-j*. Исход на *-j* не самый обычный для русских основ инфинитива (хотя и не невозможный, ср. *пойти* и другие дериваты *идти*). Таким образом, очевидной чисто морфологической мотивации для выбора формы настоящего времени постулировать не удастся.

Есть и более серьезные аргументы против первого подхода. Это, во-первых, наличие «инфинитивных оборотов» без показателя инфинитива, во-вторых, образование единого острова включенного языка в инфинитивном обороте.

Примеров без показателя инфинитива (но с суффиксом настоящего времени), как в (3), в выборке всего два — и не до конца понятно, как их интерпретировать (см., однако, ниже). Но сам факт их наличия говорит о том, что морфологическая адаптация к показателю инфинитива не первопричина появления маркера презенса на зависимом глаголе.

Аргументация в пользу интерпретации нанайского фрагмента в инфинитивном обороте как единого острова включенного языка была приведена выше (раздел 8.3). Его появление сложно объяснить, если предполагать, что нанайская форма в составе русского инфинитива полностью утрачивает морфосинтаксические свойства, наследуемые из нанайского языка, и служит простым лексическим наполнением русского глагола.

Подход 2: форма настоящего времени в исходной функции. Таким образом, удобнее считать, что форма презенса встраивается в русскую модель в своей (более или менее) исходной функции, не утрачивая глагольных свойств и, в частности, сохраняя информацию о нанайской модели управления. Если это так, то это может быть, как показано выше, только форма отглагольного имени (без лично-числового и падежного оформления).

Как объяснить ее появление в инфинитивном обороте? Рассмотрим сначала маргинальный случай, когда показателя инфинитива в глагольной словоформе нет. Перед нами русский матричный предикат, управляющий нанайской глагольной формой, которая в самом нанайском в этой функции (по крайней мере без падежного и лично-числового оформления) не используется. На ее месте могла бы быть либо форма имперсонала, либо форма одновременного деепричастия, которые используются при данных матричных предикатах в нанайском языке (раздел 6). С функциональной точки зрения на их фоне форма презенса кажется компромиссным выбором. Русские правила диктуют единообразное оформление зависимого глагола при всех матричных предикатах, которые в русском языке вводят инфинитивный оборот. Если в качестве этой единой формы была бы выбрана либо форма имперсонала, либо форма одновременного деепричастия, то это противоречило бы уже нанайским правилам: они требуют распределения этих двух средств по двум разным группам матричных предикатов (раздел 5). Выбор нейтральной нефинитивной формы, которая в нанайском языке не может оформлять зависимый глагол ни при первой группе матричных предикатов, ни при второй, обеспечивает возможность избежать этого конфликта двух грамматических систем (см. раздел 8.5). М. Себба, рассуждая о возможностях переключения кодов в случае отсутствия «конгруэнтности» между морфосинтаксическими системами взаимодействующих языков, говорит о подобных стратегиях переключения кодов как о «компромиссных стратегиях» [Sebba 2009].

Следуя той же логике и продолжая рассуждать в терминах М. Себбы, можно объяснить и отсутствие в форме отглагольного имени ожидаемого в нанайском языке падежного и лично-числового оформления. Начнем с лица и числа (при субъектном контроле ожидался бы показатель рефлексива). Здесь опять можно говорить о компромиссной стратегии: наличие лично-числового маркирования в этом фрагменте грамматики (да еще со сложной системой переключения референции) идет вразрез с русской системой. Что касается падежа, то здесь в терминах М. Себбы действует стратегия «нейтрализации». Форма падежа

для имени ситуации выбирается в зависимости от семантического типа зависимой клаузы. Какого падежа можно было бы ожидать в данном случае (когда в норме имя ситуации вообще не употребляется), непонятно. Имеет место и конфликт с русской системой, где нет никаких аналогов подобного оформления зависимого предиката. Поэтому падежное оформление блокируется вовсе.

Перейдем теперь к основному случаю: форма настоящего времени имени ситуации с русским показателем инфинитива. Если сказанное выше верно, то здесь мы имеем дело со своего рода дублированием. Глагол уже оформлен нанайским суффиксом презенса, который в этом контексте, получается, выполняет роль маркера синтаксической зависимости. Дальше к нему же прибавляется функционально эквивалентный русский показатель. Тогда наш случай подобен случаю (32) из раздела 8.4: это один из случаев, когда дублирование инфинитивного маркера снимает запрет на переключение кодов в моноклаузальной инфинитивной конструкции.

8.6. Русский показатель инфинитива и модель 4-М

Обсудим в терминах Майерс-Скоттон границу между переключаемыми фрагментами. Она проходит на стыке морфем, между нанайским показателем настоящего времени и русским показателем инфинитива. Специальный компонент модели Майерс-Скоттон, 4-М model, посвящая классификации морфем и предсказаниям об их способности к переключению (см. раздел 8.1). Универсальным отнесение морфемы к тому или иному типу не является. Тип может варьировать от языка к языку и даже различаться для разных употреблений морфемы в одном языке [Myers-Scotton 2002: 81].

Суффиксы инфинитива в немецком и французском языках Майерс-Скоттон относит к ранним системным морфемам [Ibid.: 94–95; Myers-Scotton, Jake 2014], а английское *to* — к поздним внешним (outsiders), на основании того, что в некоторых конструкциях глагольная форма может выступать без *to* (т. е. необходимость его употребления диктуется внешним контекстом) [Myers-Scotton 2002: 95].

В [Myers-Scotton, Jake 2009: 351–354] специально рассматриваются с этой точки зрения подчинительные союзы в разных языках. Те, форма которых зависит от внешнего контекста (в пример приводится арабский комплементаризер, согласующийся с субъектом зависимой клаузы), авторы относят к внешним поздним морфемам (outsiders). Семантически наполненные, модифицирующие значение зависимой клаузы (такие как англ. *because, then*) — к ранним. Семантически пустые, единственная функция которых сводится к связи между главной клаузой и зависимой, — к соединительным (bridges). Таково как раз большинство союзов, используемых для введения сентенциального актанта (в пример приводится англ. *that*). Отнесение таких союзов к соединительным морфемам помогает объяснить, в частности, почему возможны такие предложения, как обсуждаемые в [Belazi et al. 1994], в которых союз приходит из языка зависимой клаузы, а не главной, как ожидалось бы, будь они поздними системными морфемами:

(34) The professor said
DEF профессор сказать.PST

que el estudiante habia recibido una A
COMP DEF студент AUX получить.PTCP INDEF A

‘Профессор сказал, что студент получил оценку «А»’. [Belazi et al. 1994: 224], английский / испанский

По данным [Myers-Scotton, Jake 2009], комплементаризеры типа английского *that* могут приходиться из обоих языков (и выбор в каждом случае предсказывается какими-то частными факторами). Исходя из модели, для них, как в целом для морфем типа bridges,

ождается большая предрасположенность к языку главной клаузы, но не запрещен и язык зависимой клаузы.

Русский суффикс *-ть* в рассматриваемом нами контексте схож с комплементаризерами типа *that*, но с оговорками. Во-первых, это аффикс, а не автономная словоформа. Во-вторых, он вводит не отдельную финитную клаузу (а для клаузы в теории Майерс-Скоттон, напомним, в принципе допускается иметь матричный язык, отличный от матричного языка соседней клаузы, даже в пределах сложного предложения), а максимум нефинитную или (в данном случае) составляющую объемом меньше клаузы.

При определении статуса *-ть* уместно разное решение для двух случаев. Как было упомянуто выше (раздел 4), в некоторых оборотах инфинитив выступает как средство переключения референции (выбирается либо инфинитивный оборот, либо союзная финитная клауза в зависимости от кореферентности / некорреферентности субъектов), а в других — зависимый глагол в инфинитиве является единственным вариантом. Для случаев первого типа можно говорить о внешней поздней системной морфеме (*outsider*), так как ее выбор зависит от внешнего контекста (односубъектности / разносубъектности). В случаях второго типа можно считать *-ть* либо соединительной морфемой (*bridge*), как комплементаризеры типа *that*, либо ранней системной морфемой, как делает сама Майерс-Скоттон применительно к морфологическим инфинитивам в других языках. Первое решение, на первый взгляд, более оправданно, т. к. нельзя сказать, что *-ть* как-либо уточняет семантику оборота, как ожидается от ранних системных морфем.

Эта разница в статусе инфинитивного маркера в разных оборотах проясняет, почему, вопреки типологическим ожиданиям, переключению доступен инфинитивный оборот малого объема и, наоборот, недоступен оборот большого объема (раздел 8.4). Выше (раздел 8.5) предложена трактовка, при которой нанайский показатель презенса и русский показатель инфинитива выступают как дублирующие друг друга маркеры синтаксической зависимости. По Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 2002: 91–93], для морфем типа *outsiders*, к которым мы отнесли *-ть* в оборотах большого объема, дублирование невозможно (в т. ч. потому, что они в принципе могут приходиться только из матричного языка, но не из включенного)¹⁸.

9. Нанайские инфинитивные конструкции с переключением кодов в социолингвистической перспективе

Тип текстов, в которых встретились рассматриваемые конструкции, следует прокомментировать отдельно. Как было сказано выше, материалом исследования послужила специфическая выборка текстов с очень интенсивным переключением кодов от носителя вымирающего диалекта, которому была дана инструкция говорить на полузабытом нанайском, причем в необычной ситуации — перед слушателем-русским. Это неслучайно. В текстах от носителей нанайских говоров, находящихся в более благоприятной ситуации (ок. 14 часов), такие конструкции тоже есть, но они единичны — и встретились также в текстах с наиболее интенсивным переключением, в которых нанайский ни по объему, ни структурно не преобладает над русским.

В целом в коллекции таких текстов очень мало, большинство — тексты на нанайском языке с небольшой долей русских вставок: из 47 353 словоупотреблений ок. 16 % (7 496)

¹⁸ На самом деле, по предположению Майерс-Скоттон, ограничение еще более жесткое: дублирование ожидается только от ранних системных морфем, а не от *bridges*, к которым мы предположительно отнесли *-ть* в оборотах малого объема. Возможно, это аргумент за то, чтобы все же считать такое *-ть* ранней системной морфемой.

на русском. Структурно нанайский тоже можно в большинстве текстов считать основным (матричным в терминологии Майерс–Скоттон): на меньшей выборке было подсчитано, что из предложений с внутриклаузальным переключением всего ок. 6% (57 из 918) имеют русскую вершину (как в нашей конструкции).

Ожидаемо, что именно в таком, не самом естественном, типе текстов и именно в такой социолингвистической ситуации обнаруживаются конструкции, необычные по своей структуре. Как было сказано выше (разделы 8.1, 8.2), ситуация языкового сдвига признается проблемной для «классической» модели Майерс–Скоттон [Myers-Scotton 2002: 48–52, 100, 164–230], которую мы выше попробовали соотнести с нашими данными. В качестве особого случая, для которого характерны особые структурные типы переключения, она рассматривается и в других работах, например [Muysken 2000: 225–228, 250–278].

Аналогичные описанным инфинитивные обороты с переключением кодов встречаются в близкородственном нанайскому ульском языке:

(35) а вверх ɲəp-i-wə-n он должен xalaʃ-ʃ-ть
 *** *** идти-PRS-ACC-3SG *** *** ждать-PRS-INF

‘А когда вверх идет, он должен ждать’. ульский (agk, тексты)

Детальных подсчетов мы не проводили, однако на первый взгляд кажется, что в ульском такие случаи частотнее (и представлены в текстах от разных носителей). Возникает соблазн связать это с тем, что ульский язык находится в гораздо менее благополучной социолингвистической ситуации, чем нанайский в целом и примерно в той же, что и горинский диалект нанайского (из которого взяты данные этой статьи), см. [Герасимова А. Н. 2002; Сумбатова, Гусев 2016]¹⁹.

10. Заключение

В работе был рассмотрен один интересный случай переключения кодов внутри предложения: переключение кодов в инфинитивной конструкции. Данные текстов, записанных от двуязычного носителя горинского говора нанайского языка, обнаруживают следующую модель переключения. Матричный предикат оказывается русским, нанайский зависимый глагол оформляется нанайским показателем настоящего времени и (обычно) русским показателем инфинитива, аргументы нанайского глагола приходят из нанайского языка и оформлены по нанайским же правилам.

Нанайский и русский языки достаточно далеки друг от друга в данном фрагменте грамматики. Переключение кодов наблюдается в том типе конструкций (моноклаузальных, с сентенциальным актантом малого объема, глубоко интегрированным в структуру матричного предиката), в котором оно по свидетельству предшествующих работ обычно затруднено. Каким образом возникает морфосинтаксическая структура, зафиксированная в наших примерах с переключением кодов, насколько она следует структуре русского и нанайского языков? Откуда берется и для чего служит нанайский показатель настоящего времени?

Я предлагаю следующий анализ в терминах теории переключения кодов К. Майерс–Скоттон. Язык, из которого приходит основная морфосинтаксическая «рамка» предложения, — русский. Нанайский фрагмент в инфинитивном обороте представляет собой единую составляющую, оформленную по правилам нанайского языка («остров включенного

¹⁹ Есть, впрочем, и другой фактор, возможно, дополнительно располагающий к распространению таких структур в ульском языке, — морфологический. Презентная форма в ульском языке дает более единообразный исход, чем в нанайском, в большинстве случаев это согласный + *i*, что очень похоже на один из продуктивных исходов русской основы инфинитива.

языка»). Суффикс презенса появляется в словоформе постольку, поскольку она интерпретируется как имя ситуации, в нанайском языке оформляющее зависимые клаузы разных типов. Однако в этой конкретной форме (без показателей падежа и лица-числа) и конкретно при таких матричных предикатах имя ситуации в нанайском языке как раз не выступает. Можно говорить о «компромиссной стратегии» взаимной адаптации двух грамматических систем (нанайской и русской) или о «составном переключении кодов». К этой форме в большинстве случаев добавляется русский аффикс инфинитива, который можно рассматривать как дублирующий нанайский аффикс имени ситуации.

Переключение кодов, затрагивающее глагол, — одна из наиболее интересных областей в морфосинтаксическом исследовании переключения кодов, поскольку это центральный и обычно самый сложный фрагмент морфосинтаксиса, часто это как раз то место, где грамматики двух языков максимально противоречат друг другу. Что рассмотренные данные добавляют к представлениям о морфосинтаксической интеграции глагола при переключении кодов?

В недавних работах [Myers-Scotton, Jake 2014; 2017] разработана довольно подробная типологическая классификация таких случаев. Она очень похожа на классификацию типов морфологической адаптации устойчивых глагольных заимствований Я. Вольгемута [Wohlgemuth 2009]. Это неслучайно: авторы видят в качестве центрального случая, когда при переключении кодов глагол из одного языка полностью теряет исходные морфосинтаксические свойства и служит лишь лексическим наполнением морфосинтаксической рамки другого языка (как при заимствовании). Только в этом случае, по мнению авторов, удается избежать острого конфликта между двумя грамматическими системами и переключение кодов становится возможным.

Наши данные демонстрируют совершенно иную ситуацию. Здесь тоже происходит интеграция нанайского глагольного материала в русскую морфосинтаксическую рамку (оформление русским показателем инфинитива). Однако нанайский глагол выступает в не утратившей своих исходных функций (хотя и частично реинтерпретированной) нанайской форме и не просто вставляется в русскую рамку на уровне отдельной словоформы, а требует оформления всей глагольной группы по правилам нанайского языка.

Видимо, такое ослабление ограничений на переключение кодов возникает потому, что здесь мы имеем дело с интеграцией глагола в нефинитный (обладающий меньшим набором прототипических предикативных свойств) контекст.

Неслучайными с этой точки зрения кажутся обнаруженные (хотя и на очень небольшой выборке текстовых примеров) ограничения на тип инфинитивного оборота. Это, во-первых, обороты наименьшего синтаксического объема — объема глагольной группы, а не клаузы (для таких оборотов предикативные свойства еще более редуцированы). Во-вторых, это такие конструкции, для которых инфинитивное оформление зависимого глагола — единственно возможный выбор в матричном языке.

В них маркер инфинитива можно считать не «поздней системной морфемой» в терминах Майерс-Скоттон (обращающейся к внешнему синтаксическому контексту), а «соединительной» или «ранней». Про такие морфемы, в отличие от морфем первого типа, можно предполагать, что, присоединяясь к глаголу из другого языка, они в меньшей степени навязывают ему чужую морфосинтаксическую рамку и конфликтуют с его исходными грамматическими характеристиками. Более того, в теории Майерс-Скоттон для поздних системных морфем запрещено дублирование: тогда понятно, почему наблюдаемая структура с нанайским маркером презенса и русским инфинитивом, дублирующими друг друга, возникает только в инфинитивных оборотах малого объема.

Если посмотреть на наши данные с другой стороны, не с точки зрения морфологической адаптации глагола, а с точки зрения переключения кодов в синтаксических актах, то они тоже оказываются теоретически проблемными. Если зависимое клаузальное предложение, синтаксически более автономное от матричного предиката, легко подвергается переключению, то в случае синтаксических актантов меньшего объема это в общем

случае не так. Дело опять в предикате, но в данном случае в матричном: на внутреннюю структуру инфинитивного оборота влияют и зависимый предикат, и матричный, и этот конфликт, видимо, ведет к тому, что переключение кодов в таких случаях ограничено или оказывается более сложным, чем обычно. Возникает еще и конфликт между языками зависимого и матричного предиката: непонятно, правила какого из них будут работать внутри инфинитивного оборота. Одним из компромиссных способов избежать этого конфликта оказывается дублирование показателя синтаксической зависимости. В других языковых парах допустимыми оказывались предложения с инфинитивной частицей из языка матричного предиката и инфинитивным аффиксом из языка зависимого глагола. В нашем случае ситуация более сложная: нанайский и русский показатели синтаксической зависимости оба морфологические и не находятся во взаимно-однозначном соответствии (русскому инфинитиву соответствуют разные стратегии в нанайском). В этом случае происходит частичное дублирование: зависимый глагол оформляется русским инфинитивным аффиксом, а в качестве его условного нанайского эквивалента выбирается аффикс настоящего времени, при присоединении которого глагол интерпретируется как зависимый (хотя единственным и функционально идентичным русскому инфинитиву этот аффикс и не является).

Важно, что рассмотренные конструкции появляются в особом типе текстов с очень интенсивным переключением кодов в ситуации языкового сдвига, при котором структурные типы переключения, видимо, в целом более разнообразны и менее регулярны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица	F — женский род	POSS — possessивность
ACC — аккузатив	IMP — императив	PL — множественное число
ANT — предшествование	IMPS — имперсонал	PREP — предлог
AUX — вспомогательный глагол	INCH — инхоатив	PRON — прохитив
CARIT — каритив	INDEF — неопределенность	PROPR — проприетив
CAUS — каузатив	INF — инфинитив	PRS — настоящее время
COMP — комплементаризатор	INS — инструменталис	PST — прошедшее время
COND — кондиционал	IPFV — имперфектив	PTCL — частица
CONSEC — консекутив	LAT — латив	PTCP — причастие
CVB — деэпричастие	LOC — локатив	QUOT — цитатив
DAT — датив	N — средний род	REFL — рефлексив
DEF — определенность	NEG — отрицание	REP — рефактив
DEST — дестинатив	NMLZ — номинализатор	SG — единственное число
EMPH — эмфаза	OBL — косвенный падеж	SIM — одновременность

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Авrorин 1961 — Авrorин В. А. *Грамматика нанайского языка*. Т. II. М.; Л.: Наука, 1961. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [Nanai grammar]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Nauka, 1961.]
- Авrorин 1986 — Авrorин В. А. *Материалы по нанайскому языку и фольклору*. Л.: Наука, 1986. [Avrorin V. A. *Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru* [Nanai language and folklore materials]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Блинова 1993 — Блинова И. О. (гл. ред.). *Полный словарь Сибирского говора*. Т. 2: И–О. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. [Blinova I. O. (ed.). *Polnyi slovar' Sibirskogo govora* [Comprehensive dictionary of the Siberian dialect]. Vol. 2: I–O. Tomsk: Tomsk Univ. Press, 1993.]
- Герасимова А. А. 2015 — Герасимова А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке. *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции ТМП-2015*. Вып. 2. М.: МПГУ, 2015, 47–61. [Gerasimova A. A. Control of negative items in infinitive constructions in Russian. *Typology of morphosyntactic*

- parameters. Proc. of the TMP-2015 Conf. No. 2. Moscow: Moscow Pedagogical State Univ., 2015, 47–61.]*
- Герасимова А. А. 2016 — Герасимова А. А. Категориальный и аргументный статус актантных инфинитивных оборотов в русском языке. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2016, X: 55–69. [Gerasimova A. A. Categorical and argument status of infinitival complement constructions in Russian. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2016, X: 55–69.]
- Герасимова А. Н. 2002 — Герасимова А. Н. Нанайский и ульчский языки в России. Сравнительная характеристика социолингвистической ситуации. *Языки коренных народов Сибири*, 2002, 12: 246–257. [Gerasimova A. N. Nanai and Ulch in Russia: A comparative sociolinguistic description. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*, 2002, 12: 246–257.]
- Герасимова А. Н. 2006 — Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульчским. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2006. [Gerasimova A. N. *Polipredikativnye konstruksii nanaiskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim* [Polipredicative structures of Nanai compared with Ulch]. Ph.D. diss. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Меновщиков 1964 — Меновщиков Г. А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка. *Вопросы языкознания*, 1964, 5: 100–106. [Menovščikov G. A. On the permeability of grammatical structure. *Voprosy Jazykoznanija*, 1964, 5: 100–106.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Оскольская 2015 — Оскольская С. А. Грамматикализация глагола bi- ‘быть’ в нанайском языке. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2015, т. XI, ч. 3: 743–754. [Oskolskaya S. The grammaticalization of the verb bi- ‘to be’ in Nanai. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2015, vol. XI, part 3: 743–754.]
- Пекелис 2002 — Пекелис О. Е. *Субъект зависимого инфинитива в русском и итальянском языках (проблема контроля)*. Дипломная работа. М.: РГГУ, 2002. [Pekelis O. E. *Sub'ekt zavisimogo infinitiva v russkom i ital'yanskom yazykakh (problema kontrolya)* [Control of infinitives in Russian and Italian]. Master's thesis. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2002.]
- Рудницкая, в печати — Рудницкая Е. Л. Лексические заимствования из русского языка и модель управления в эвенкийском языке. *Языки России в контакте с русским языком. Труды ИРЯ РАН*, 4, в печати. [Rudnitskaya E. L. Lexical borrowing from Russian and argument marking in Evenki. *Yazyki Rossii v kontakte s russkim yazykom. Trudy IRYa RAN*, 4, in print.]
- Сумбатова, Гусев 2016 — Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю. Ульчский язык. *Язык и общество. Энциклопедия*. Михальченко В. Ю. (гл. ред.). М.: Азбуковник, 2016, 513–515. [Sumbatova N. R., Gusev V. Yu. The Ulch language. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya*. Mikhail'chenko V. Yu. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2016, 513–515.]
- Суник 1962 — Суник О. П. *Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: морфологическая структура и система форм глагольного слова*. М.: Наука, 1962. [Sunik O. P. *Glagoł v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: morfologicheskaya struktura i sistema form glagoł'nogo slova* [Verb in Tungusic: Morphological structure and the system of verbal forms]. Moscow: Nauka, 1962.]
- Alexiadou 2017 — Alexiadou A. Building verbs in language mixing varieties. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 2017, 369(1): 165–192.
- Babby 1998 — Babby L. H. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics: The Connecticut meeting*, 1998, 17–37.
- Belazi et al. 1994 — Belazi H. M., Rubin E. J., Toribio A. J. Code switching and X-bar theory: The functional head constraint. *Linguistic Inquiry*, 1994, 25(2): 221–237.
- Golovko 1994 — Golovko E. Mednij Aleut or Copper Island Aleut: An Aleut-Russian mixed language. Bakker P., Mous M. (eds.). *Mixed languages: 15 case studies in language intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994, 113–121.
- Golovko 1996 — Golovko E. A case of nongenetic development in the Arctic area: The contribution of Aleut and Russian to the formation of Copper Island Aleut *Language contact in the Arctic: Northern pidgins and contact languages*. Jahr E. H., Broch I. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 1996, 63–78.
- Golovko, Vaxtin 1990 — Golovko E. V., Vaxtin N. B. Aleut in contact: the CIA enigma. *Acta Linguistica Hafniensia*, 1990, 22: 97–125.
- González-Vilbazo, López 2011 — González-Vilbazo K., López L. Some properties of light verbs in code-switching. *Lingua*, 2011, 121(5): 832–850.
- MacSwan 1997 — MacSwan J. *A Minimalist approach to intrasentential code switching: Spanish-Nahuatl bilingualism in Central Mexico*. Ph.D. diss. Los Angeles: Univ. of California, 1997.

- Muysken 2000 — Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Myers-Scotton, Jake 1995 — Myers-Scotton C, Jake J. Matching lemmas in a bilingual language competence and production model: evidence from intrasentential code switching. *Linguistics*, 1995, 33(5): 981–1024.
- Myers-Scotton, Jake 2009 — Myers-Scotton C, Jake J. A universal model of code-switching and bilingual language processing and production. *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Bullock B. E, Toribio A. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009, 206–357.
- Myers-Scotton, Jake 2014 — Myers-Scotton C, Jake J. Nonfinite verbs and negotiating bilingualism in codeswitching: Implications for a language production model. *Bilingualism, Language and Cognition*, 2014, 17: 511–525.
- Myers-Scotton, Jake 2015 — Myers-Scotton C, Jake J. Cross-language asymmetries in codeswitching patterns: Implications for a bilingual language production model. Schwieter J. (ed.). *Cambridge handbook of bilingual processing*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015, 416–458.
- Myers-Scotton, Jake 2017 — Myers-Scotton C, Jake J. The 4-M model revisited: Codeswitching and morpheme election at the abstract level. *International Journal of Bilingualism*, 2017, 21: 340–366.
- Myers-Scotton 1997 — Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching*. 2nd edn. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.
- Myers-Scotton 2002 — Myers-Scotton C. *Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
- Myers-Scotton 2004 — Myers-Scotton C. Precision tuning of the Matrix Language Frame (MLF) model of codeswitching. *Sociolinguistica*, 2004, 18: 106–117.
- Poplack 1980 — Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL: Toward a typology of code-switching. *Linguistics*, 1980, 18(7–8): 581–618.
- Sebba 2009 — Sebba M. On the notions of congruence and convergence in code-switching. *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Bullock B. E, Toribio A. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Timm 1975 — Timm L. A. Spanish-English code-switching: El porqué y how-not-to. *Romance Philology*, 1975, 28(4): 473–482.
- Wichmann, Wohlgemuth 2008 — Wichmann S, Wohlgemuth J. Loan verbs in a typological perspective. *Aspects of language contact. New theoretical, methodological and empirical findings with special focus on romancisation processes*. Stolz T, Palomo R. S, Bakker D. (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2008, 89–121.
- Wiemer 2017 — Wiemer B. Main clause infinitival predicates and their equivalents in Slavic. *Infinitives at the syntax-semantics interface: A diachronic perspective*. Jędrzejowski Ł., Demske U. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2017, 265–338.
- Wohlgemuth 2009 — Wohlgemuth J. *A typology of verbal borrowings*. Berlin: Mouton De Gruyter, 2009.

Получено / received 26.03.2019

Принято / accepted 07.04.2020